

Заметки писателя

Труд - 1991 - 4 апр. - с. 6

Осень отлучения

Как А. И. Солженицына исключали из Союза писателей

ОТ ТОМ, что успел сказать Солженицын (а это — огромно), есть несколько страничек, посвященных и Рязани — городу, в котором — после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» — настала его оглушительная всесветная слава. В котором — и это факт! — жестоко и больно была надломлена его писательская судьба на Родине...

О ГОВОРИТЬ: не собираюсь писать с Солженицына икону. Да и он, ярый противник любого культа, не нуждается в панегириках. Цель этих заметок — «попробовать вернуться» в «ту» Рязань, на календаре которой дотлевают последние месяцы 69-го года. Хотя отчасти понять тогдашние попытки отлучения Александра Исаевича от отечественной литературы...

Спецкор областной газеты, я месяцами живу в деревне. И с грустью убеждаюсь, что, слегка приподнятая на время решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК, она снова погружается в трясину разора. Бесстыдное единоначалие натягивает вожжи, закручивает гайки, и люди, потнувшиеся было с городского асфальта на дымки родительских изб, снова разочарованы.

Мне, недавнему выпускнику Литинститута, интересны как раз люди: механизаторы, животноводы, бригадиры, председатели. Деревня пахнет землей, доит коров, стучит костяшками domino в промерзших клубах и — тихо, горько сдыхает.

Когда возвращаюсь в Рязань, ощущаю себя одиноким, неприкаянным. Здесь, как всегда, диктат установок и накачек. Везде и всюду: на производственных совещаниях, на партийных собраниях, даже на редакционных летучках.

Мы, молодые поэты и прозаики, литературный актив, еще гремели спорами, накаляли страсти. Почти запретное уже, непременно возникало имя Солженицына. Порой — в соседстве с самыми нелепыми слухами: эмигрировал в Англию, сбежал на Арабский Восток.

— Да хватит вам плетень горючить! — пресекал досужее Саян Архипов, поэт и электромонтер. — Навещал я Исаича. Здоров, работает.

Он был одним из немногих, кто запросто входил в дом опального писателя. Да и визиты Александра Исаевича к собратам по перу, редкие, правда, и всегда неожиданные, тоже убеждали: здесь он, возле, живой и здоровый. Хотя — всмотреться пристальней — пасмурен, отягощен.

Было чем! ПРЕДАТЕЛЬСТВА бывших друзей и годы неволи научили Солженицына осторожности. Не то чтобы боялся людей — не топорился открыться. Соседи по лестничной площадке вспоминают: был исключительно вежлив, предупредителен, но дальние «здравствуйте — до свидания»

знакомство не шло. Рязанцев, которым доверял безусловно, кому передавал на чтение или хранение экземпляры своих рукописей, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Книгочеи рвались увидеть его, затаивали творческие вечера, литературные конференции. С трудом добивались согласия на встречу, а когда приходили в аудиторию — упирались в замок на дверях. Под разными нехитрыми предлогами идеологические церберы отводили такие «нежелательные события». А тут еще — череда беззастенчивых обысков в квартире, изъятие рукописей, перехват почты, прослушивание телефона.

Впрочем, главной причиной отстраненности от внешнего мира была все-таки работа. Уроки в школе, где преподавал физику, — уступка суровой необходимости, дабы власть имущие не обвинили в тунеядстве. Не вернувшись за колючую проволоку. Все свободное время — за письменным столом.

Когда вышел в свет «Один день Ивана Денисовича», потрясенные соседи обнаружили, что расклинаются не с рядовым учителем физики — со знаменитостью. А знаменитость не переменила привычного уже образа жизни: те же сдержанные «здравствуйте» и «до свидания», та же угрюмоватая сосредоточенность во взгляде. Если что-то и прибилизилось в натуре — так откровенная неприязнь к репортерам, неприятие скоропостижной журналистской братии.

Журналисты, в свою очередь, жаждали сенсаций. Сотрудник «Рязанского комсомольца» Илья Кашафутдинов, ныне член Союза писателей, а в то время бесшабашный, уволенный в запас морячок, отважился на авантюру: решил проникнуть к Солженицыну под видом электромонтера. Повесил на плечо сумку с инструментом, напялил на себя занозенную кепку и — пошел, благословляемый редактором.

Илья впустили на порог, он даже успел ткнуть отвертку в какую-то розетку. А разоблачили, когда, увлекшись, неосторожно вытаскил из той же сумки фотокамеру.

— Чем кончилось? — спросил я Илью. — Пили чай с земляникой, разговаривали за жизнь, — рисуюсь, похвастался он. — Только от интервью Александр Исаевич наотрез отказался. И снять себя не позволил.

Илья приврал: лже-монтера без особых церемоний выставили за дверь. Впрочем, все это мелочи, кому нынче интересно, пили они чай или нет. Тут разговор о другом. Нехватка достоверной информации об авторе «Ивана Денисовича», сознательное замалчивание или искажение прожитого и пережитого им сыграли в скором времени не самую благовидную роль.

Еще эпизод — уже из личных впечатлений. Запало в память, как — среди ясного солнечного дня и при изрядном стечении литературной нашей публики — вспоминал Александр Исаевич о войне. Происходило это в тесной комнатке Рязанской писательской организации. Запомнились рыжая его борода, живые — с веселым блеском — глаза, удивление собственному рассказу. Надо же, еще на гражданке, студентом, охотно и много занимался историей Брусиловского прорыва, а в Великую Отечественную досталось топтать те же самые дороги. Так вот, по ходу движения нашей армии узнавал города и селения, которые попадались на пути, так узнавал, будто бывал в них прежде, до войны. И это особенно поразило меня. С какой же доскональностью надо было вникать в документы — в свидетельства историков и откровения очевидцев, какое надо иметь воображение, чтобы, входя в никогда не виденный прежде населенный пункт, припоминать без усилий его улицы и переулки, площади, храмы. А именно об этом он и рассказывал.

В тот летний день 1968 года я впервые увидел Александра Исаевича, и мне он показался даже веселым, оживленным, распахнутым. Может, излюбленная душа его оттаивала. А может, радовался тому, что слушают его люди молодые, литературный подросток. Не исключая, что нам-то он верил или хотел верить.

Увы, и тут обманулся!

Окаянное, проклятое время!

Н ЫН ЕШ Н И Е правдолюбцы мечут громы и молнии в адрес Рязанской писательской организации. Это, мол, она, сирая и убогая, унизила Солженицына, вынесла ему безжалостный приговор. О том, что собранию в Рязани предшествовала генеральная репетиция, вспоминают неохотно.

Я имею в виду расширенный секретариат Союза писателей СССР. Заседал он 22 сентября 1967 года: до рокового собрания в Рязань оставалось чуть более двух лет. В особняк на улице Воровского съехались три с лишним десятка живых классиков, обремененных чинами и званиями: Федин, Сурков, Корнейчук, Кожевников, Баруздин, Мусрепов, Шарипов, К. Яшен, Лев Озеров, Абашидзе, Бровка, Новиченко... От ЦК КПСС — Юрий Мелентьев. На протяжении пяти часов мастера соцреализма терзали мятежного прозаика, выколачивали из него душу: покаяйся и отрекись! Покаяйся в том, что антисоветчик, пособник мировой буржуазии, отрекись публично от «гнусной» своей позиции.

Пространная стенограмма того заседания заслуживает отдельной публикации — в почтенные современные и назидание потомкам. Я же, за недостат-

ком места, скажу лишь: когда сегодня утверждают, что заблуждались искренне, я им не очень верю.

Он пытался напомнить коллегам о высоком долге российского писателя, как понимали его Толстой, Достоевский, Некрасов. Вот тут и прозвучало из уст Маркова: одумайся, Александр Исаевич, не одумайся — отберем билет, выгоним из родной литературы.

Понимаю: приоритет принадлежал не Георгию Мокеевичу, а железным нашим комитетам, партийному и госбезопасности. Но чести руководству творческого Союза это обстоятельство не добавляет.

П Р И Г О В О Р был предreshen, на долю моих земляков писателей выпала жалкая участь статистов: сыграть в «волеизъявление масс», в «инициативу снизу». Они и сыграли — под бдительным надзором недреманного обкомовского ока. Расклад получился: на надежной не придумашь: на шестерых, включая Солженицына, писателей — пятеро ответственных партработников плюс секретарь правления СП РСФСР Ф. Таурин.

За тяжело хворавшим Н. Родиным пошлют в Касимов обкомовскую машину с эскулапом. Трогательное проявление этой «заботы» окажется далеко не лишним: Николаю Александровичу, пока транспортировали его в Рязань, было не раз плохо, машину останавливали, больного приводили в чувство уколами.

Ответственного секретаря писательской организации Э. Сафонова, незадолго перед тем перенесшего операцию, навестит в больничной палате высокопоставленный чиновник.

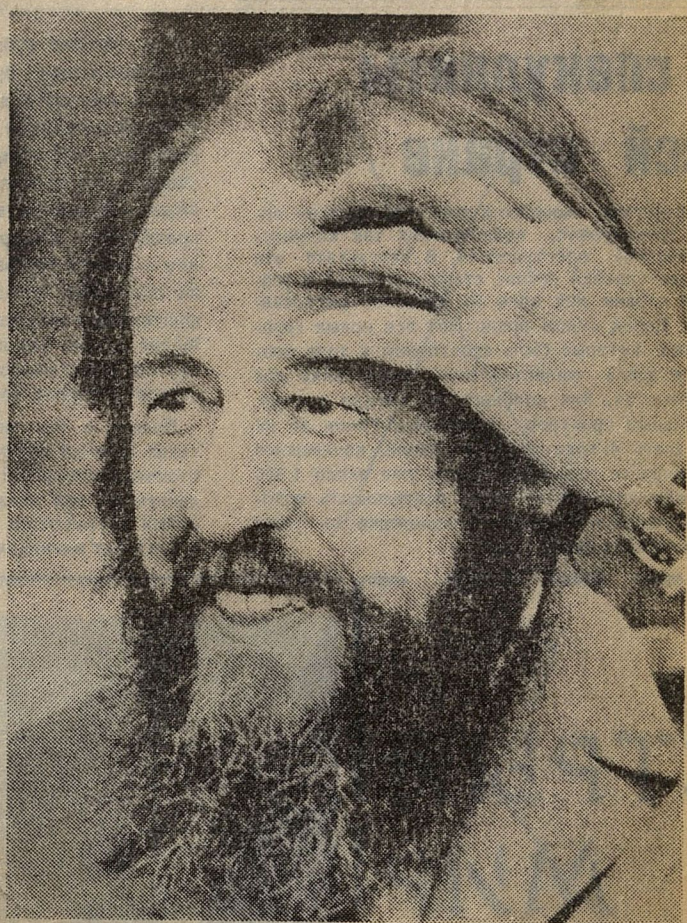
— Подпишите бумагу, Эрнст Иванович. Всего три слова: «Я за исключение».

— Нет.

Строптивость обернется партийным выговором, который Э. Сафонов будет носить в течение 10 лет. Так откровенно и записали: «За отказ участвовать в исключении Солженицына из Союза писателей».

А вообще-то собрание, не в пример генеральной репетиции, разворачивалось вяло. Сказывался уровень: там — столица, тут — провинция; там — златоусты, мыслители, здесь — пришибленные необходимостью подчиниться партийному диктату. Выступления В. Матушкина, С. Баранова, Н. Левченко, Н. Поваренкина будто бы с одной колоды сняты: не участвовал в жизни организации... не рецензировал рукописи... не помогал расти молодым... своим творчеством играл на руку мировому империализму...

Оживление внес поэт Евгений Маркин — его выступление оказалось самым беспощадным. Бесспорно талантливый человек, гордившийся дружбой с автором «Ивана Денисовича», он камня

на камне не оставил и от личности Солженицына, и от его творчества.

Предложение «исключить» прошло пятью голосами при одном «против». Этот один — голос Солженицына.

Может, и не стоило бы здесь приводить фамилии: большинства участников собрания сегодня нет в живых. Я и не стал бы. Но живут легенды, мифы.

Итоги содеянному подведут на бюро обкома партии. И Н. С. Приезжев, первый секретарь, заглазно попеняет коммунисту Родину за склонность к беспринципности и мягкосердечию. И особо выделит бескомпромиссное выступление беспартийного поэта Маркина: «Вот у кого и нам не грех поучиться...»

Н. Родину участие в том собрании обойдется душевным надрывом, станет пожизненной мукой. Е. Маркин, разошедшийся перед тем с женой и скитавшийся без жилья, наутро получит ордер на квартиру в новом доме.

Н Е Т О Т день четвертого ноября 1969 года запомнился сереньким, невзрачным.

Писательская организация размещалась в одном доме с редакцией «Приокской правды». Перед тем как начаться злополучному собранию, я спустился со своего второго этажа на первый. В коридоре толпились ребята из литактива, подбивали друг друга сочинить телеграмму в ЦК. Авось услышат, вступятся за Исаича! И, святая простота, сочинили-таки, понесли на почту. Только почта наотрез отказалась — телеграмму принять не положено!

...Тут же, в коридоре — плечо к плечу, друзья да и только! — прохаживались Солженицын и Таурин. О чем-то тихо переговаривались, и лицо у Таурина — как у нашкодившего мальчонки: виноватое, смущенное. Солженицын, напротив, невозмутим,

вроде бы не ему нести в одиночку свой тяжкий крест.

Не дает мне покоя одна мысль, пытаюсь выстроить невероятное: а если бы дрогнул Солженицын, покаялся, отрекся? Что — простили бы его, оставили в Союзе писателей и — на жительство — в Союзе ССР?

Боюсь, что нет. Растащили бы по газетным страницам, распили на крестах беспардонной лжи...

В тот же день, четвертого ноября, но уже поздним часом, когда писатели разошлись, редакционный вахтер расписался за телеграмму. «Литератора» Солженицына пригласили на заседание секретариата, назначенное на завтра. Александру Исаевичу о телеграмме сообщили утром, около девяти. В Москву — при всем желании — уже не успеть. Рассказывают, что нарочитая эта оплошность доставила радость Леониду Соболеву, председателю российского Союза писателей. Приговор рязанцев Солженицыну утверждали в его отсутствие...

...На моем столе — текст письма, присланного из американского штата Вермонт. Писатель благодарит жителей Рязани за то, что помнят его, что присвоили ему звание Почетного гражданина города. «...В нынешнее тяжелое время для России тяжело приходится и Рязани, — пишет он. — Желая вам мудрых решений, которые помогли бы рязанцам и жить и дышать. А главное — вырастить детей не в цинизме и не в безнадёжности».

Благие пожелания, не грех всем нам прислушаться...

Валентин САФОНОВ.

РЯЗАНЬ.

С согласия автора «Труд» публикует сегодня написанное А. Солженицыным в ноябре 1969 года письмо руководителем Союза писателей России.

Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР

Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону, противоположную той, которую объявили. В эту кризисную пору нашему тяжёлому обществу вы неспособны предложить ничего конструктивного, ничего доброго, а только свою ненависть-бдительность, а только «держать и не пущать!».

Расползаются ваши дебелые статьи, вяло шевелится ваше безмыслие, — аргументов нет, есть только голосование и администрация. Оттого-то на знаменитое письмо Лидии Чуковской, гордость русской публицистики, не осмелился ответить ни Шолохов, ни все вы вместе взятые. А готовятся на нее

административные клещи: как посмела она допустить, что неизданную книгу ее читают? Раз инстанции решили тебя не печатать, задавись, удушись, не существуй! никому не давай читать!

Подгоняют под исключение и Льва Копелева — фронтовика, уже отсидевшего десять лет безвинно, — теперь же виноватого в том, что заступает за гонимых, что разгласил священный тайный разговор с влиятельным лицом, нарушил тайну кабинета. А зачем ведете вы такие разговоры, которые надо скрывать от народа? А не нам ли было пятьдесят лет назад обещано, что никогда не будет больше тайной дипломатии, тайных переговоров, тай-

ных непонятных назначений и перемещений, что массы будут обо всем знать и судить открыто?

«Враги услышат» — вот ваша отговорка, вечные и постоянные «враги» — удобная основа ваших должностей и вашего существования. Как будто не было врагов, когда обещалась немедленная открытость. Да что бы вы делали без «врагов»? Да вы б и жить уже не могли без «врагов», вашей бесплодной атмосферой стала ненависть, ненависть, не уступающая равной. Но так теряется ощущение цельного и единого человечества — и ускоряется его гибель. Да растопись завтра только льды одной Антаркти-

ки — и все мы превратимся в тонущее человечество, — и кому вы тогда будете тыкать в нос «классовую борьбу»? Уж не говорю — когда остатки двуногих будут бродить по радиоактивной Земле и умирать.

Все-таки вспомнить пора, что первое, кому мы принадлежим, — это человечество. А человечество отделилось от животного мира — мыслью и речью. И они естественно должны быть свободными. А если их сковать — мы возвращаемся в животных.

Гласность, честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к Отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не хочет Отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтоб они гнили там.

А. СОЛЖЕНИЦЫН.

12 ноября 1969 г.